

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6
К21

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич.

К21 Потерянный разум / Сергей Кара-Мурза. — Москва : Родина, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-907149-71-7

Эта книга выдающегося российского политолога и публициста Сергея Георгиевича Кара-Мурзы была написана десять лет назад и сразу вызвала огромный читательский интерес, который с годами только увеличивается. Удивляться не приходится, ведь проблемы, обозначенные автором в данной книге, не только не исчезли, но, напротив, лишь обостряются.

Как пишет С.Г. Кара-Мурза, наше сознание было серьезно деформировано в ходе крушения советского строя и поэтому неадекватно реагирует на действительность. Искаженное мировоззрение и стало одной из важнейших причин той трагедии, которую последние тридцать лет переживает наша страна. Выйти из тупика без преодоления этого ложного видения невозможно – отсюда необходимость понимания произошедшего.

Помимо глубокого анализа этих проблем, книга отличается прекрасным стилем изложения, что делает ее доступной для самых широких кругов читателей.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-907149-71-7

© Кара-Мурза С.Г., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

ВВЕДЕНИЕ

В 1992 г., еще в дыму и грохоте разрушения, я написал книжку «Интеллигенция на пепелище России». О том, как, начиная с 60-х годов, вызревали главные идеи перестройки в умах честной и бескорыстной части нашей интеллектуальной элиты — и что оказалось на поверку, когда этот ее проект начал воплощаться в жизнь. Пусть пока лишь в основных его чертах — но они проявились тогда уже вполне определенно. Потом эта книга переиздавалась, поменьше в ней стало эмоций, побольше размышлений, но главного изменять не пришлось. И в Курган-Тюбе, и в Грозном, и в Сухуми — везде лишь догорало то, что подожгли в 1990—1991 гг. Что же менять?

Сейчас уже задубели чувства — молодой предприниматель бесстрастно смотрит, как старик, его бывший учитель, копается в мусоре. А в 1993 г. это было еще в диковинку, и другой молодой предприниматель при этом же зрелище заплакал, а потом с ним была истерика. Был такой эпизод, и видно, что мы не стоим на месте, меняемся. Как говорится, реформа на марше.

Что будет еще через десять лет — посмотрим. Те, кто доживет. А сегодня надо воспользоваться тем редким моментом, что все мы зажали чувства в кулак и можем взглянуть в недавнее прошлое хладнокровно, как математики. Подвести дебет-кредит, пощелкать костяшками счетов. Пятнадцать лет! С чем подошли к юбилею эти наши интеллектуальные легионы антисоветской революции?

Как известно, революция — праздник угнетенных. В данном случае — каких же угнетенных праздник? Партийной номенклатуры вроде Е.Гайдара и А.Н.Яковлева, части художественной элиты, и воров. Одних угнетала уравнилельная советская идеология, других цензура, запрещавшая показывать на сцене голый зад, третьих — Уголовный кодекс РСФСР. Все они радуются сегодня вполне здраво и разумно. Но за ними стоят миллионы тех, кто составлял нашу «трудовую интеллигенцию». Именно она подняла на своих плечах и посадила нам на шею Гайдара под ручку с Боннэр и Абрамовичем.

Когда я писал книгу «Интеллигенция на пепелище России», я как будто непрерывно разговаривал с множеством своих друзей и знако-

мых — честных и хороших людей, интеллигентов, которые с энтузиазмом поддерживали перестройку. Я предложил моему воображаемому собеседнику-интеллигенту вспомнить главные постулаты перестройки и реформы. То есть те главные благородные цели, которые вынашивала интеллигенция, поддержавшая переворот. Я предложил *назвать* эти цели-постулаты — а потом честно оглянуться вокруг и сказать вслух, что же произошло с каждым постулатом в действительности. Ведь если произошло нечто противоположное, то, значит, ты или трагически ошибся — или тебя обманули самым ужасным образом. Ты должен предупреждать людей. Остановитесь, тут или ошибка, или обман!

В той книжке мне не приходилось изощряться — все идеи перестройки были еще у всех на языке, все они были заявлены открыто. Более того, они с самого начала 60-х годов буквально вынашивались в кухонных дебатах, у костра в экспедиции, за чаем в лаборатории. Тут спорить было не о чем, все знали, чего желала интеллигенция. А что получилось, у каждого было перед носом, не приходилось ни в статистике копать, ни данные социологов изучать. Так что проблема была только в том, чтобы взглянуть в лицо правде и сказать вслух и честно, что мы видим и как это соотносится с тем, к чему призывали народ. А потом уже делать личный выбор: или ты признаешь ошибку, совершенную по твоей глупости, и рвешь с программой «реформаторов» — или продолжаешь с ними идти. Обе позиции можно понять, а первую даже приветствовать. Но и вторая позиция — дело житейское, у многих своя рубашка ближе к телу.

Патологией является третий путь: и ужасную действительность видишь, и ее дикое расхождение с увлекшими тебя лозунгами видишь, и косточки тебе никакой не кинули — а ты все равно идешь за Хакамадой или Слиской и кричишь: «Я требую приватизации земли и жилищно-коммунальной реформы!» А ведь таких у нас много!

Эта новая книга — продолжение того разговора. Но не по всему кругу поднятых тогда вопросов, а по одной более узкой теме, которая, однако, прямо касается всех интеллигентов, всех людей умственного труда. Речь идет о том, что произошло в ходе перестройки и реформы с той частью нашей духовной сферы, которую можно обозначить общим понятием *рациональное сознание*.

Разум и мышление человека — едва ли не главная проблема философии. В XX веке она стала актуальной в практическом и конкретном плане, как проблема рациональности, ее границ, устойчивости и сбоев, отказов. Все виднейшие философы последнего столетия под разными углами зрения рассматривали эту проблему. Объясняется это тем, что индустриальная цивилизация, интеллектуальные основы которой были заложены Просвещением и Научной революцией, сформировалась именно как цивилизация рациональная, взявшая за матрицу познания, образования, мышления и общения научный метод. Будучи во все времена одним из «формообразующих принципов» жизни челове-

ка, в последние столетия рациональность вышла на первый план, оттеснив иные способы осмысления мира (например, религию, традицию или художественное чувство).

Однако в XX веке индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис, одним из проявлений которого стали частые и массовые отказы и срывы рационального сознания, а также поразительная беззащитность массового сознания против манипуляции. Говорят даже, что одним из главных противоречий человеческого общества является столкновение иррационального с рациональным. История XX века показала это самым драматическим образом. Труднопостижимым случаем отказа рациональности стал соблазн фашизма, которому поддался очень разумный и рассудительный народ. Без таких чудовищных проявлений, но сходным по глубине спада рациональности случаем можно считать катастрофу СССР-России.

Об этом отказе и будет идти речь в данной книге. Сейчас, после 15 лет наблюдений, мы можем дать хотя бы описание этого странного кризиса в сознании нашего большого культурного народа. Описание еще не есть объяснение и тем более не предписание курса лечения. Но оно — необходимый шаг на этом пути. В описании уже есть ростки гипотез и первое упорядочение того потока больших и малых явлений в сфере сознания, который всех нас омывает.

Очертим контуры нашего объекта. О какой рациональности будет идти речь? Философы грызут эту тему с разных сторон — в книге 1986 г. дано 21 определение рациональности разных типов (обзор темы дает П.П.Гайденко¹). Нам весь этот спектр не нужен, мы будем говорить о той рациональности, которая по своему «размеру» соизмерима с самыми жгучими вопросами, что ставит перед нами наш нынешний кризис. Это «рациональность для нашей жизни».

Более того, мы будем говорить о той рациональности, которая соответствует принципу «живи и давай жить другим». То есть о рациональности «для жизни народа». Это важная оговорка, потому что как только заводишь речь о том, что важные утверждения, скажем, Горбачева или Ельцина неадекватны нормам рациональности, на это обычно следует ответ: а у них своя рациональность. А дальше следуют уточнения в зависимости от политической позиции. Патриот скажет, что Горбачев хотел развалить СССР и действовал рационально, либерал-западник скажет, что Горбачев хотел уничтожить империю зла и действовал рационально. Но мы не будем говорить о скрытых целях и «читать в сердцах», мы говорим о рассуждениях, которым поверили люди. А говорили нам об «ускорении», о свободе и социальной справедливости, о расцвете культуры и науки, о богатых советских фермерах на тракторах с кондиционированным воздухом — вот в этих интеллектуальных конструкциях концы с концами не вязались. А большинство этого не заметило и пошло за Горбачевым, а потом за Ельциным. Об этом и будет речь.

Кроме того, в той «рациональности для жизни», о которой будет идти речь, мы учитываем временной диапазон. Будем считать рациональными те рассуждения и решения, которые позволяют народу обеспечить себе *долгую* жизнь. Поэтому хитрость соблазнительей, диверсантов и расхитителей народной собственности, позволяющая им достигнуть своих целей, нас интересовать не будет. Да, ее можно признать рациональностью, но специфической рациональностью паразита — пусть ее изучают криминалисты, мы ее учтем, но говорить будем о главном массиве.

Возьму из обзора П.П.Гайдено то, что прямо относится к материалу книги. Кант в своем подходе к проблеме выделил три уровня познания и осмысления: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления».

Рассудок, в его схеме, организует опыт посредством правил, а разум организует добротный сырой материал, обработанный рассудком — «сводит многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов». В этой книге мы не будем касаться чувств, а будем обсуждать работу рассудка и разума. Уровень рационального мышления, который нас интересует, это обработка исходного материала созерцания реальности рассудком и последующее действие разума, приводящее к принципиальным выводам. В этих операциях и происходит больше всего сбоев и отказов.

Кант различает два «среза» в применении разума — формальный (логический) и реальный (трансцендентальный). При логическом применении разума используется его способность производить *умозаключения*, делать конкретные выводы. Реальное применение использует способность разума производить понятия высокого уровня, рождать трансцендентальные идеи, высшие принципы.

Мы будем в этой книге говорить о более простой вещи — формальном, логическом применении разума. Конечно, трансцендентальные идеи можно высказывать и вопреки логике и ясным умозаключениям — так и поступают пророки. Но пророки не живут в своем отечестве, а нас сейчас интересует именно мышление нас самих и наших близких людей, граждан нашего отечества, с которыми мы все вместе переживаем трудные времена.

В реальной жизни, тем более в условиях кризиса, мы не имеем времени и сил для того, чтобы делать сложные многоступенчатые умозаключения по большинству вопросов, с которыми сталкиваемся и по которым должны определить свою позицию. Как же мы справляемся с этой задачей? С помощью *интуиции* и *здравого смысла*. И то и другое — инструменты рациональности. С интуицией, однако, многое неясно, да и в тех жизненных ситуациях, о которых идет речь в книге,

вполне можно обходиться без неуловимых предчувствий и гениальных прозрений. Достаточно у нас для принятия разумных решений и информации, и опыта. Так что главное подспорье логическим рассуждениям и умозаключениям в нашей жизни сейчас — *здоровый смысл*. Проблема его применения или его отказа также составляет предмет данной книги.

Судя по многим обсуждениям, в среде высокообразованных людей здоровый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже, чем развитые в науке приемы теоретического знания. Возможно, в благополучные времена такое их отношение и может быть оправдано, но в условиях той неопределенности, которую порождает кризис, роль здравого смысла, на мой взгляд, резко возрастает. В условиях кризиса у нас мал запас прочности, очень слабые тылы, а значит, мы вынуждены в нашей стратегии ориентироваться не на максимизацию выгоды, а на минимизацию ущерба. Теоретическое научное знание может привести к блестящему, наилучшему решению, но чаще ведет к полному провалу — если из-за недостатка средств (информации, времени и пр.) человек привлек негодную для данного случая теорию. Здоровый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но он надежно предохраняет против *наихудших* решений. Вот этого нам сегодня очень не хватает.

Когда научное мышление стало теснить и принижать здоровый смысл, на его защиту выступили философы разных направлений (например, А.Бергсон и А.Грамши). Приведу несколько замечаний А.Бергсона, которые кажутся созвучными тому пониманию здравого смысла, из которого я исходил в этой книге.

Он говорит перед студентами, победителями университетского конкурса, в 1895 г.: «Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях, ставящих нас в такую же зависимость от него, в какой находился он от нас. Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и взываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здоровый смысл в практической жизни — то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здоровый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается; ибо он направлен не к универсальной истине, как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здоровом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устраняя уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и благоприятствует действию. Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл взывает к воле, а в практической — к разуму»².

Итак, вот главные блоки той рациональности, о которой будет идти речь: здравый смысл, рассудок и разум в его формальном, логическом применении. Таким образом, рациональность в нашем обсуждении будет выступать прежде всего как метод, «технология» мышления, а не как *содержание* идей, позиций и установок.

В своем обзоре П.П.Гайденко излагает такую трактовку понятия рациональности, которую развивает в своих трудах К.Хюбнер. Он выделяет четыре составляющих рациональности: логическую, эмпирическую, оперативную и нормативную. Все они действуют независимо от содержания. Хюбнер пишет: «Рациональность выступает всегда в одинаковой форме, а именно: *семантически* — как тождественное фиксирование правил определенного смыслового содержания (в чем бы оно ни состояло); *эмпирически* — как применение всегда одинаковых правил объяснения (к чему бы они не относились); *логически-оперативно* — как применение расчета (калькуляции) (как бы его ни истолковывать); *нормативно* — как сведение целей и норм к другим целям и нормам (какое бы содержание в них ни вкладывалось). Рациональность, следовательно, есть нечто *формальное*. Она относится только к уже положенному содержанию»³. Примерно в этом смысле и применяется понятие рациональности в книге.

События, способ осмысления которых обсуждается в книге, разываются как драма нашего народа. По отношению к этой драме наш народ в существенной мере оказался расколот. Сам я не принял и не принимаю того изменения всего нашего жизнеустройства, которое со скрипом и массовыми страданиями пытаются совершить в течение вот уже почти двадцати лет. В книге я делаю упреки, часто резкие, той части нашего общества, прежде всего высокообразованной части, которая поддержала это изменение (реформу). Но эти упреки совершенно не касаются *содержания* позиции этих людей, их ценностей или веры. Главная мысль книги заключается в том, что в своих рассуждениях, обобщениях и выводах эта часть нашей интеллигенции (назовем ее условно «либеральная интеллигенция») допустила целый ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные практические решения.

Причиной этих ошибок было нарушение важнейших норм рациональности. Однако вместо рефлексии, анализа этих ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, произошел срыв и возник порочный круг: эти ошибки побудили к дальнейшему и радикальному отходу от норм рациональности, в результате чего общество погрузилось в тяжелейший кризис. Если бы наша либеральная интеллигенция, исходя из тех же постулатов (содержания своей веры и своих ценностей) вела свои рассуждения согласно правилам и нормам здравого смысла и логического мышления, сверяла бы каждый промежуточный вывод с реальностью, анализировала ошибки, допущенные на предыдущем шаге, то мы могли бы избежать фатальных ошибок и найти разумный компромисс между идеалами и интересами разных частей общества. Избегать нынешних страданий было возможно.

Конечно, отделение инструментальной, технологической части рациональности от содержательной — задача непростая. Когда речь идет о социальной драме, трудно остаться беспристрастным и не привести в описание конкретных событий своих оценок, не затронуть содержания постулатов и выводов тех, кто, на мой взгляд, допустил ошибки в технике мышления. Но в принципе такой подход к рациональности правомерен, и если читателю предлагаемые в книге «учебные задачи» покажутся полезными, он сможет «отфильтровать» эмоции и идеалы.

Мы должны, наконец, временные координаты той рациональности, о которой ведем речь. Существовала ли она всегда как данное природой свойство человеческого разума — или возникла в конкретный исторический момент? Насколько мы знаем из истории психологии сознания, эта рациональность существовала не всегда. Она порождена Научной революцией, а затем большой программой Просвещения — в XVI-XVIII веках в Европе. Это особый тип рациональности — «рациональность Просвещения». До этого нормы рациональности задавались структурами мифологического и религиозного мирозерцания, а в ходе Просвещения господствовать в сознании образованной части общества стали нормы познания, мышления и объяснения, разработанные в лоне *науки*. Пралогический тип мышления, при котором люди видели в явлениях окружающей жизни мистическое действие потусторонних или земных сил, сменился (хотя и не полностью) мышлением логическим, с выявлением причинно-следственных связей и построением связанных *умозаключений*.

Логичное мышление — сравнительно недавний продукт культурной эволюции человека. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Навыки умозаключений люди приобретают частью стихийно — через чтение и общение друг с другом, но главное, этим навыкам стали учить в школе и университете, как умениям любого другого мастерства.

Однако Просвещение было не просто усовершенствованием существовавших до него способов употребления разума. Это был большой проект, имевший идеальные цели и ставящий перед обществом и человеком большие задачи. Этот проект во многом определил ход развития индустриальной цивилизации и судьбы мира.

Что касается *содержания* этого проекта, то не все идеи, положенные в его основание, оказались верными. Некоторые очень важные установки Просвещения оказались несовместимы с представлениями о мире и человеке, сложившимися в незападных культурах. Например, гуманизм Просвещения, представляющий человека свободным изолированным индивидом («атомом»), несовместим с пониманием человека в русской культуре («соборная личность»). Здесь об этом нет смысла говорить, ибо наша тема — не содержание различных частей проекта и идеологии Просвещения, а выработанная им рациональность, «технология» применения разума.

Стоит только, пожалуй, заметить, что эта «технология», став частью идеологии, испытала на себе и негативное воздействие последней (как это произошло и с наукой). Поэтому, воспринимая рациональность Просвещения как метод, интеллигенция России должна была тщательно отфильтровывать идеологические компоненты *рационализма*. Они заключались в абсолютизации разума, в подавлении ряда важных средств познания — рациональных, но «неявных» (таких, как, например, традиция и здравый смысл), в устранении того контроля, которым для рационального сознания служат нравственные ценности. А главное, для нас была неприемлема абсолютизация того разума, который на деле отражал мировоззрение и интересы господствующего меньшинства (конкретно — *буржуазии*), скрывала социальные противоречия и конфликты интересов — и доводила их до революций и войн.

Это давление идеологии Просвещения уже на ранних стадиях развития западной цивилизации послужило источником тяжелых кризисов, а для незападных культур и народов — и причиной катастроф. Об одном таком кризисе рационализма пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Мы видели, каким образом подготавливавшие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа.

И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с предыдущим строем, отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а в конце концов под крылом наполеоновского деспотизма. Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн⁴.

Понятно, что абсолютизация разума как «единственного судьи» в сложной реальности общественной жизни в любом обществе ведет к тяжелым кризисам, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что прямая предпосылка к кризису создается из-за того, что эта абсолютизация, продукт идеологии, ведет к «порче» инструментов рациональности. А это и позволяет господствующему меньшинству навязывать решения, отвечающие его скрытым интересам и оплачиваемые кровью и страданиями большинства, потерявшего способность к рациональным умозаключениям.

Глава 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ: ОТХОД ОТ НОРМ РАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

В истории бывали периоды *смут*, когда элита стран даже с высокой культурой вдруг впадала в состояние интеллектуальной патологии. В сознании как будто «портились» инструменты логических рассуждений, терялись навыки выявления причинно-следственных связей, проверки качества собственных умозаключений. Люди переставали различать главные категории, употребляемые в ходе принятия решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев). Они с трудом могли разумно применить *меру* — прикинуть в уме «вес» разных явлений, масштаб проблемы и наличных ресурсов для ее решения.

Советский период, в течение которого основанное на научном методе школьное образование охватило все общество, означал огромный шаг к тому, чтобы рациональное сознание и нормы Просвещения овладели массовым обыденным сознанием. Этот процесс был сорван перестройкой и реформой, а потом произошел быстрый откат, архаизация сознания.

Конечно, аналогичные процессы наблюдаются и на Западе. Там это уклончиво называют *постмодернизмом* — мягким и постепенным отходом от норм Просвещения, лежавших в основе рациональности индустриальной цивилизации. В России же альтернативный Западу проект, берущий начало в Просвещении, был в развитой форме представлен в советском строе, а он потерпел поражение в «холодной войне». Культурное ядро «побежденного» проекта разрушалось радикально, с огромным перебором, и его обломки не укладываются даже в структуры постмодерна — мы имеем просто *антимодерн*, регресс вплоть до мышления дологического, шаманского типа.

Есть и другой внешний фактор, углубляющий наш кризис. Во время стратегического противостояния с блоком США советское руководство, идеологическая система СССР, а за ними и общество в целом, мыслили и рассуждали «по-своему». Им не приходилось подлаживаться к своему противнику и имитировать его — напротив, образ мысли, слова и дела должны были быть *альтернативой*. Уже в годы перестройки началась «конвергенция», наша правящая элита и СМИ стали «учиться» у элиты и СМИ США, подражать им. При этом мы «заразились» многими вещами, не имея того иммунитета или противоядий, которыми обладает эли-

та США, культивирующая у себя эти болезни вполне сознательно, как средство *манипуляции сознанием*.

Это прямо относится к рациональности. Во второй половине XX века манипуляция сознанием стала одним из важнейших средств господства США и внутри страны, и во внешней политике. Для нее выработаны изощренные, разработанные в лабораториях технологии. Часть этих технологий имеет в прямом смысле слова характер боевых средств, они применяются в психологической войне. Одним из таких средств является, как это ни парадоксально звучит, *сознательная иррациональность*. Этот инструмент политического постмодерна уже стал фактором роста напряженности в мире, в том числе в сфере сознания.

Н.Хомский обращает внимание на эти установки, предложенные в исследовании Стратегического командования США в 1995 г. и вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны»⁵. Авторы исследования считают, что США должны использовать свой ядерный потенциал, чтобы «в случае, если их жизненно важные интересы поставлены под угрозу, выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным — значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [американской государственной машины] могут казаться потенциально «неконтролируемыми», способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады».

Эта доктрина родилась не после холодной войны. Н.Хомский пишет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле»⁶.

Правда, и советники Никсона не оригинальны. По словам Н.Хомского, эта концепция была принята уже в середине 50-х годов в Израиле правящей Партией труда, лидеры которой «проповедовали необходимость актов безумия», что отмечал в своем дневнике премьер-министр Моше Шаретт.

Самое опасное здесь в том, что, как отмечено во всех исследованиях манипуляции сознанием, со временем и сами манипуляторы попадают под действие самих технологий, и их сознание действительно деформируется. Маска «сумасшедшего с бритвою в руке» все сильнее влияет на тип мышления. Еще сильнее это сказывается на тех, кто учится у этих манипуляторов. Маска становится их лицом.

Много было уже сказано о том, какие «инструменты мышления» были злонамеренно испорчены манипуляторами во время перестройки и реформы. Это, прежде всего, язык — язык слов и чисел. Наш ум

заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости. Говорили «демократия» и расстреливали парламент. Говорили «священная собственность» — и воровали сбережения целого народа, а потом и вообще все его достояние. Говорили «права человека» — и делали нас абсолютно беззащитными против подонков и хамов, захвативших деньги и власть. Когда важнейшие слова так испорчены, трудно тянуть мысль и трудно вести разговор.

Но испорчены были не только слова, но и фразы — словесные конструкции, передающие информацию и мысль. Речь ответственных людей в ответственный момент стала настолько невнятной и бессвязной, что за этим нетрудно было видеть отсутствие связной мысли. Эти люди или по каким-то причинам стремились речью замаскировать свои истинные мысли, или у них по каким-то причинам была утрачена способность вырабатывать связные мысли. Скорее всего, обе эти причины вошли в диалектическое взаимодействие и породили кооперативный эффект разрушения рациональности *мышления* и рациональности *общения*.

В связи с тем, как шло в Госдуме обсуждение одного из законопроектов, вызвавшего волнение в общества (замена льгот денежными компенсациями), В.Глазычев писал: «Так уж у нас повелось, начиная с и.о. премьера Гайдара, что власть выражает себя крайне невразумительно. Дело не столько в том, что Гайдар обладает не самой счастливой дикцией, сколько в его — и многих его коллег — убежденности, что птичий язык представляет собой высшую форму коммуникации. Черномырдин потратил все силы на вытеснение из речи ненормативной лексики, но, если не считать восхитительных афоризмов, внятностью говорения похвастаться не может. Кириенко говорил вроде бы понятно, но так быстро и так настойчиво, что уж только этим вызывал у слушателей подозрительность. Что бормотал про себя Примаков, понять было решительно невозможно — запомнилась лишь манера повторять окончания фраз по два раза, что убедительности речам не добавляет. Роскошный баритон Касьянова, напротив, порождал у слушателя столь сильное эстетическое переживание, что уловить смысл было трудно. Фрадков говорить на публику только учится. Слышит ли Миронов то, что сам же говорит, неясно. У Грызлова, Жукова, Грефа, Кудрина или Зурабова с дикцией порядок, но и только. Один лишь Фурсенко натурально, естественно внятен, но он погоды не делает. Один Чубайс способен говорить и жестко, и понятно, но он, отойдя от публичной политики, избрал молчание».

Он предложил, среди прочих, и такое материалистическое объяснение этому явлению: «Объективная противоречивость ситуации, помноженная на внутреннюю конфликтность целей и возведенная в квадрат за счет разногласия лоббистских устремлений множества групп, не позволяет добиться структурности содержания каких бы то ни было про-

грамм. Отсутствие структурной цельности по сути неминуемо проявляется в форме изложения, что, кстати, наглядно отразилось в недавнем Послании президента»⁷.

Это объяснение отдает фатализмом: да, реформа создала хаос в реальности, с этим хаосом не справилось сознание, оно утратило способность вырабатывать связные мыслительные конструкции (умозаключения), чтобы эту реальность описать и осмыслить, и это выразилось в бессвязности изложения. Мы, мол, живем в таком сущем, которое неразумно, а потому и сами неразумны. Для публицистики это прием хороший, а на деле человеку для того и дан разум, чтобы овладевать хаосом реальности. И если в этом овладении мы сегодня несостоятельны, то именно потому, что в течение достаточно длительного времени наши инструменты мышления подвергались эрозии, порче.

Перестройка стала открытой фазой, этапом радикальной порчи, почти разрушения. О ней и будем говорить, имея в виду, что этой открытой фазе предшествовала довольно длительная предыстория. Парадокс в том, что перестройка шла под знаменем «интеллектуализации» общественной жизни, эпитеты *интеллигентный, компетентный, научный* стали тогда высшей похвалой — а на деле происходил странный и угрожающий процесс оглупления властной элиты. Быстро деградировала способность к рефлексии — умению проанализировать прежние решения, извлечь уроки из ошибок, сделать прогноз будущего.

Популярный тогда международный обозреватель А.Бовин в книжном манифесте «Иного не дано» (1988) высокопарно изрек, как комплимент перестройке, распространенную в то время мысль: «Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением».

Бовин не силен в методологии. Для мышления политика «тождественность с научным мышлением» звучит как страшное обвинение. Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, равнодушно к проблеме добра и зла. Оно лишь ищет истину, ответ на вопрос «что есть в действительности?» и не способно ответить на вопрос «как должно быть?». Напротив, мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом⁸.

Но ведь Бовин был не одинок в своем невежестве. Философ М.Горшков, директор бывшего ИМЭЛа — Института по изучению Маркса, Энгельса и Ленина (!) утверждал в «Независимой газете» (19.03.1992): «Единственный ориентир, которым должен руководствоваться независимый гуманитарий — это рационалистичность мышления, абсолютная научная объективность в анализе исследуемых им процессов и явлений».

Это уже нечто из ряда вон. Гуманитарий, в отличие от ученого-естественника, изучает *человека* и чисто *человеческие* проблемы. Это такой объект, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив эти-